

Причина и вина в метафизической перспективе

Б.И. Липский

Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 28-29 октября 1997 г. / Отв ред. М.С. Уваров. — СПб.: Санкт-Петербургское отделение Института человека РАН, 1997.

Взять на себя не наказание, а вину, только это и было бы божественно.

Ф. Ницше. Ессе homo.

Будучи свободным в принятии решений и совершении поступков, человек не способен предвидеть и контролировать их отдаленные, а иногда и ближайšie результаты. Признание этой неспособности означает существенное ограничение человеческой свободы, вплоть до полного ее отрицания. Если последствия моих действий от меня не зависят, то о какой свободе может идти речь? Таким образом, обнаруживается фундаментальная асимметричность человеческого бытия, которое, с одной стороны, предполагается автономным, а с другой, достаточно жестко подчиненным некой «объективной необходимости».

Детерминизм пытается преодолеть эту асимметричность, предполагая что для каждого события, в том числе и для человеческих поступков, существует некоторое причинное объяснение. Все происходящее должно мыслиться как прямое продолжение ряда предшествующих событий, однозначно заданное законами и правилами построения всего этого ряда в целом. Эти законы и правила могут быть познаны, благодаря их рациональной природе. Следование познанным законам должно снять коллизию свободы и необходимости, которые в метафизической перспективе причинно-следственных отношений оказываются в конечном итоге тождественными: человек тем более свободен, чем полнее выражен в его индивидуальной жизни неизменный универсально всеобщий закон.

Автономность человека выражается в том, что он действует, преследуя свои собственные цели. Детерминистическая ограниченность этой автономии состоит в том, что результат деятельности не совпадает с первоначальным замыслом. Всегда обнаруживаются такие последствия, которые не входили в первоначальные намерения человека и не формулировались им как сознательно поставленная цель. Но раз такие последствия возникли, для этого была соответствующая причина, объективно присутствовавшая в структуре действенного акта, но не представленная в сознании самого действующего субъекта. Иными словами, неожиданность, непредсказуемость результатов человеческих поступков обусловлена прежде всего ограниченностью человеческого познания. Иллюстрацией здесь может быть миф об Эдипе, который вовсе не намерен убивать отца, но вся последовательность действий неуклонно, хотя и неосознанно приближает его к трагической развязке.

Непредсказуемость, рассматриваемая в каузальной перспективе, не имеет никаких онтологических оснований, ее природа чисто гносеологическая. Ничто из происходящего в мире не возникает без соответствующих предпосылок. Неожиданности существуют только для нас, и существуют лишь постольку, поскольку мы не познали еще всех этих предпосылок. Нам вечно не хватает времени, чтобы рассмотреть и взвесить все предпосылки и возможные последствия наших решений. Мы надеемся использовать уже известные, познанные нами причинно-следственные связи как средства для достижения собственных целей, но постоянное вмешательство в нашу деятельность массы пока неизвестных нам закономерностей приводит к тому, что, помимо нашей воли, сами мы превращаемся в одно из средств, проявления некой глобальной необходимости.

Таким образом, принцип причинности, рассматриваемый как фундаментальная метафизическая характеристика бытия, предполагает, что человек может реализовать свое стремление к свободе только подчинив свою жизнь универсальному закону объективной необходимости. Для того, чтобы свободно распоряжаться своим будущим, то есть получать в результате именно то, что было исходным намерением и целью, человек должен развивать каузальное мышление, исключая из сознания все случайное и удерживая в нем только необходимое. Иными словами, для того, чтобы быть свободным, человек должен стать необходимым не только в средствах, но прежде всего в мотивах и целях: он не должен желать ничего такого, что не было бы «предусмотрено» объективной необходимостью.

Строгое следование каузальному принципу не позволяет нам рассматривать свою собственную деятельность как вполне автономную. Ведь если любой наш поступок есть «результатирующая» множества объективных и зачастую неосознаваемых нами факторов, значит наше поведение детерминировано чем-то помимо нашей воли. Это означает, что мы не властны над своими поступками, а следовательно, невменяемы. Возникает ситуация, описанная в «Записках из подполья» Ф. Достоевского: «Наука научит человека, что... все, что он ни делает, делается вовсе не по его хотению, а само собою, по законам природы. следовательно, эти законы стоит только открыть, и уж за поступки свои человек отвечать не будет».

Здесь лежат корни глубочайшей коллизии между метафизикой и этикой. Строгое и последовательное проведение метафизического принципа причинности ставит под вопрос смысл и значение центральных категорий этики и права — категорий вины и ответственности. Поэтому основания для них зачастую искали за пределами собственно метафизики. Так Ницше, полагая вину «основным понятием морали», считал, что оно, как и другие моральные понятия («совесть», «долг» и т.п.) вырастает на почве долгового права и своим происхождением обязано договору, поскольку возникает из древнейшего и изначального «договорного отношения между займодавцем и должником» [1]. При этом в его рассуждениях мы обнаруживаем различие между этическим смыслом (категория вины) и метафизическим (категория причины).

Обращаясь к практике осуждения и наказания Ницше замечает, что наказание большею частью рассматривалось как ответственность не столько за совершенный поступок столько за причиненный ущерб: «ничто в сознании судящих не свидетельствовало о том, что приходится иметь дело с «виновным». Речь шла просто о зачинщике зла, о каком-то безответственном осколке рока, вроде природного бедствия!» [2]. В самом понятии виновности здесь обнаруживается некоторая двусмысленность. Виновный может рассматриваться как некий спусковой механизм, может быть, даже помимо своей воли, инициирующий действие причины, порождающей зло. И он должен быть наказан за это зло, поскольку незнание закона (в том числе и закона природы) не освобождает от ответственности. Но можно рассматривать виновность и как признание полной автономности человека, несущего ответственность именно за свое свободное действие, а не за его последствия. В первом случае понятие вины имеет явно выраженную негативную окраску, во втором случае и вина, и ответственность в этическом отношении амбивалентны, поскольку главное здесь — самостоятельность действующего, а не последствия деяния (они в равной степени могут быть как негативными, так и позитивными). Таким образом, раскрывается возможность взглянуть на понятие вины не только в этической, но и в метафизической перспективе, рассматривая его «в связке» уже не со страданием и наказанием, а с действием и свободой. «Непредсказуемость» действия и его результата обусловлена при таком подходе не вовсе не недостаточностью нашего знания. Она оказывается укорененной не в гносеологических характеристиках человеческого познания, а в онтологических характеристиках человеческого бытия. Рассматриваемая в метафизической перспективе непредсказуемость, выступает лишь внешней формой обнаружения лежащей в ее основе непредзаданности, непредопределенности бытия человека.

Приверженность человека к идее «свободы воли» можно объяснить его желанием самому нести ответственность за свои поступки, не перекладывая ее на Бога, объективные предпосылки или случайные обстоятельства. Этнографические исследования свидетельствуют, что представления о том, что человек полностью ответствен за все происходящее в мире относятся к самым древним стереотипам мышления. Например, в рассказе «Закон белого человека» Дж. Лондон говорит о законе, согласно которому индейцы выплачивают компенсацию за случайную гибель утонувшего иноплеменника. При этом они безоговорочно признают себя виновными, поскольку тот погиб на участке реки, входящем в «зону ответственности» племени. Но то же самое безотчетное чувство виновности возникает и у человека пославшего ближнего в булочную, если тот стал жертвой транспортной катастрофы. В обоих случаях речь идет о событиях не связанных причинно-следственными отношениями; в обоих случаях полностью отсутствуют признаки виновности не только в юридическом, но даже и моральном смысле и тем не менее, возникает некое исходное чувство вины, истоки которого лежат глубже права или морали. Такого рода сознание вины может быть даже не связано с переживаниями по поводу какого-то действительного поступка, оно может возникнуть даже у человека, который в морально-правовом отношении является не

виновником, а жертвой. Эту глубинную вину, которая внешним образом обнаруживается в виде различного рода невротических симптомов Ю.М. Бородай называет «метафизической» [3]. Но почему возникает у человека такая склонность к принятию на себя вины и ответственности?

Строгое соблюдение принципа причинности предполагает, что все совершающиеся в мире события образуют непрерывный ряд, в котором причины и следствия абсолютно плотно, без «зазоров» примыкают друг к другу. Человеку здесь просто некуда «втиснуться» со своей свободной волей, проявление которой всегда сопряжено с возникновением «зазора», перерыва постепенности. Развертывание причинно-следственного ряда происходит как плавный переход от одного возможного мира к другому. Акт свободы есть перерыв постепенности, который необратимо переносит нас в другой мир, тут же и создаваемый самим этим актом. И здесь речь идет не о причине, а именно о вине. Мы виновны в этом переходе, мы создали этот мир и мы ответственны за то, что он теперь существует. При этом вина понимается не морально-оценочном, а именно в амбивалентном (метафизическом) смысле, ибо рождение из нашего поступка блага или зла равновероятно. Поэтому и ответственность здесь означает не наказание, а сознание своего активного участия в жизни, своей причастности к бытию.

Чувство «метафизической» вины позволяет человеку ощущать свою значимость, придавать смысл и значение своим словам и поступкам. Без этого фундаментального чувства смысл самой человеческой жизни оказывается под сомнением. Поэтому люди (зачастую неосознанно) стремятся к тому, чтобы знать мир как организованный таким образом, чтобы судьба человека в нем определялась не внешней причиной, а, прежде всего, им самим. Можно сказать, что моральное и правовое понимание вины производно от более глубокого метафизического понимания. Мораль и право лишь оформляют и закрепляют эту метафизическую веру в то, что события, происходящие в мире существенным образом зависят от человека, а его судьба определяется, в конечном итоге, его собственными деяниями.

Последовательный детерминизм невозможно вполне согласовать со свободой воли, которая означает, что человек способен принимать решения и совершать действия не обусловленные естественно-природной необходимостью. Произвольность человеческого поведения означает разомкнутость, разрыв рефлекторных связей между внешними воздействиями и внутренней мотивацией. Скорее всего, следует признать, что существуют два фундаментальных метафизических принципа: причинности и виновности, — по разному трактующих характер человеческих поступков. Метафизика причины предпочитает рассматривать их как последовательные звенья некоего универсального ряда. Свобода понимается здесь как неукоснительное следование этому ряду, всякое отклонение от которого трактуется как безусловное зло. Метафизика вины предпочитает рассматривать человеческие поступки как самостоятельные акты реализации свободы, за каждый из которых человек несет полную ответственность.

Примечания

[1] Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т.2. М.,1990. С. 444

[2] Там же. С. 459

[3] Бородай Ю.М. От фантазии к реальности. М., 1995. С. 90